

© 2010 г.

Т.Б. ПЕРФИЛОВА. Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени. Интерпретация В.П. Бузескула / Под ред. М.В. Новикова. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. педагогического университета им. К.Д. Ушинского, 2007. 400 с.¹

Выход в свет новой монографии по антиковедению – всегда событие, да еще солидным по нынешним временам тиражом – 1000 экземпляров. В условиях наступающего по всем фронтам невежества, а порой откровенного мракобесия, популярности у «широкой читательской публики» так называемой «альтернативной истории», безумных сочинений гг. А.Т. Фоменко, Г.В. Носовского и т.п. из серии «Новая хронология» – это еще и надежда на то, что читатель сможет, наконец, получить некую объективную и проверенную информацию о проблемах античной истории и историографии. Поэтому появление основательной (400 с.) монографии, посвященной выдающемуся российскому антиковеду, специалисту по классическим Афинам, блестящему историографу Владиславу Петровичу Бузескулу, нельзя не приветствовать. Однако по мере того, как мы знакомимся с этим сочинением, наше удовольствие, получаемое от возможности ближе познакомиться с одним из корифеев российской исторической науки, пожить, так сказать, его творческой и преподавательской жизнью, было несколько смазано из-за многочисленных натяжек и неточностей, допущенных автором монографии. Некоторые из них мы отметим в нашем дальнейшем разборе содержания книги Т.Б. Перфиловой.

На 4-й странице монографии мы встречаем сетования на то, что «современные исследователи афинской демократии редко упоминают имя харьковского профессора» и что автор не понимает «причин этого почти полного забвения». Если эти утверждения (естественно, не подкрепленные никакими ссылками на конкретных «исследователей») не носят ритуального характера, то перед нами очевидное искажение истины, ибо подавляющее большинство советских/российских «исследователей афинской демократии» обязательно хотя бы упоминают ключевую в дореволюционной историографии монографию, посвященную этой самой демократии (см., например, работы К.М. Колобовой, К.К. Зельина, А.И. Доватура, Л.М. Глускиной, Э.Д. Фролова, В.М. Строгнецкого и др.). Впрочем, эти свои утверждения автор фактически дезавуирует в последней, V главе своей книги «Вклад В.П. Бузескула в изучение афинской демократии на современном этапе развития антиковедения» (особенно с. 354–355).

Глава I «Основные вехи научной карьеры и профессиональной деятельности В.П. Бузескула» носит биографический характер; в первом параграфе речь идет о Харьковском университете, в котором учился В.П. Бузескул, его преподавателях. Главным источником сведений по этой главе для Т.Б. Перфиловой послужил сборник «Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет» (отв. ред. С.М. Короливский), выпущенный во «времена оны» – в 1955 г., поэтому не случайно мы узнаем, что в царской России второй половины XIX в. официальное «предназначение высшего исторического образования, продиктованное потребностью самосохранения русского самодержавия... шло вразрез с духовными запросами и научными интересами учащихся» и студенты вынуждены были существовать в «атмосфере подавления свободы мысли и творчества» (с. 12–13). Никаких данных о том, что сам Бузескул жаловался на «подавление свободы мысли и творчества» в alma mater и на то, что ему приходится общаться не с «прогрессивными в своих взглядах профессорами... а с преданными власти чиновниками» (с. 12), не приводится, – напротив, из некрологов, написанных В.П. Бузескулом, которые Т.Б. Перфилова подробно пересказывает, следует, с каким пиететом он относился к своим университетским учителям, как высоко ценил их (с. 16–21).

¹ Я благодарю своего коллегу В.А. Коршункова за ряд ценных замечаний о рецензируемой книге.

В § 2 «Акке В.П. Бузескула» говорится о его собственной преподавательской деятельности на посту ординарного профессора и декана историко-филологического университета. К сожалению, не используются воспоминания студентов, слушавших его лекции, писавших у него работы. Интересны факты об участии Бузескула и других руководителей Харьковского университета в переговорах, с одной стороны, со студентами, захватившими здание университета в октябре 1905 г. и забаррикадировавшимися в нем, с другой – с властями (генерал-губернатором Старынкевичем), благодаря чему удалось избежать кровопролития – студенты безнаказанно разошлись по домам (с. 30–32). Об этих драматических событиях историк вспоминал в статье «Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г.: личные воспоминания» («Голос минувшего». 1917. № 7–8. С. 228–246).

В § 3 «Харьковский университет после революционного перелома 1917 г. и судьба В.П. Бузескула» автор пишет о «рамочно-тюремных условиях», в которых протекала преподавательская деятельность ученого при советской власти, в последние годы его жизни (он умер в 1931 г.), но, к сожалению, не упоминает о той травле, которой был подвергнут историк в качестве «классового врага на историческом фронте» незадолго перед смертью². Мы прощаемся с Бузескулом-«человеком», – и увя! – никакой «личной информации» о нем из книги Т.Б. Перфиловой – о семье, друзьях, привычках и т.п. – мы так и не получили...

В главе II «Идейные ориентиры и теоретические основания научных исследований В.П. Бузескула» автор отмечает устойчивость «теоретических позиций, идейных ориентиров, мировоззренческих конструктов» исследователя на протяжении всей его творческой жизни, корректный тон и взвешенные оценки работ коллег и равнодушие к философии истории (в отличие от Р.Ю. Виппера и Н.И. Кареева) (с. 42–43).

В § 1 и 2 кратко прослеживается отношение В.П. Бузескула к ведущим направлениям в европейском антиковедении и пересказываются оценки, данные им ряду выдающихся ученых-антиковедов XIX в., в основном из его «Введения в историю Греции» (к ним Т.Б. Перфилова будет еще не раз возвращаться на страницах своей книги): А. Бёку, Г. Нибуру, Э. Курциусу, Г. Гроту, И. Дройзену, К.О. Мюллеру (которого Т.Б. Перфилова – но не В.П. Бузескул! – именует «Миллером»), М. Дункеру, Н.Д. Фюстель де Куланжу (которого опять же, в отличие от В.П. Бузескула, Т.Б. Перфилова упорно называет неверно – «Ф. Куланжем»), делая из части фамилии французского историка имя), Г. Бузольта и др. (с. 46–53, 57–60, 63–72, 75–79 etc.). Бросаются в глаза несколько поверхностные оценочные суждения Т.Б. Перфиловой: так, на с. 64 утверждается, что на манеру изложения В.П. Бузескула повлиял Г. Бузольт, посему произведения первого «также изобилуют примечаниями... и начинаются с обзора источников и перечней научной литературы». Почти в любой научной монографии будут примечания, хорошим тоном является также давать обзор источников и литературы по исследуемой проблеме, и традиция именно так оформлять ученые труды сложилась задолго до Бузольта и Бузескула, чей научный аппарат кстати, даже в его «Перикле», не говоря уж о написанной для более широкой аудитории «Истории афинской демократии», выглядит куда более скромно, если сравнивать его с огромными бузольтовскими «подвалами», которыми отличался этот немецкий антиковед (см. его «Griechische Staatskunde» или «Griechische Geschichte»). Порой Т.Б. Перфилова искажает суждения В.П. Бузескула: так, автор монографии, а не ее герой, ответствен за следующее: «Результаты его исследования (речь идет о Р. Пёльмане. – Т.К.) подвергаются В.П. Бузескулом критике главным образом за пренебрежение всеми другими историческими факторами, кроме социально-исторических»³.

В § 3 характеризуются взгляды В.П. Бузескула на исторический процесс. Среди идей, близких харьковскому профессору, автор монографии отмечает эволюционизм и признание исторических закономерностей. На наш взгляд, Т.Б. Перфилова преувеличивает влияние на В.П. Бузескула модернизаторства и циклической теории⁴ Э. Мейера, отказывая на этом основании Бузескулу в вере в прогресс (с. 128). Следуя дискурсу, модному в историографии рубежа веков, он говорит, что гомеровская Греция напоминает средние века, или упоминал о банках и капиталистах в классическую эпоху, но это еще не делает его модернизатором и циклистом: упоминания подобного рода относительно редки в его сочинениях, особенно в сравнении с тем же Э. Мейером, Р. Пёльманом, Г. Ферреро, а из его российских коллег – с Р. Виппером. Т.Б. Перфилова сама приводит слова В.П. Бузескула о том, что полного тождества в историческом развитии народов не существует, абсолютного повторения истории быть не может (с. 129).

² См. *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 2006. С. 443 (со ссылкой на опубликованный доклад Г. Зайделя и М. Цвибака «Классовый враг на историческом фронте»).

³ Ср. разбор В.П. Бузескулом сочинений Р. Пёльмана в кн.: *Введение в историю Греции.* СПб., 2005. С. 568–571.

⁴ Об этом же влиянии автор рассуждает далее на с. 225–226.

Глава III «Теоретические воззрения В.П. Бузескула на сущность исторического процесса в пре-ломлении к истории афинской демократии» (с. 137–178) представляет собой, по сути, краткое изложение его «Истории афинской демократии». Смысл этого плана-конспекта нам совершенно не ясен: к чему этот пересказ, без оценки, анализа взглядов автора на афинскую демократию⁵ и т.п.?!

В § 2 данной главы исследуются принципы работы В.П. Бузескула с источниками (с. 180–214): цитируются оценки, данные им различным греческим авторам (в основном из «Введения в историю»), отмечаются такие его качества, проявляемые в работе со всеми группами источников, как наблюдательность, неторопливость, основательность, отсутствие предвзятой мысли и полемического пыла (с. 202), тщательный источниковедческий анализ (с. 212–213). В то же время харьковский профессор критикуется за то, что навязывал читателю свое позитивное видение афинской демократии и некоторых афинских политиков, злоупотребляя эпитетом «замечательный» и т.п. (там же). Внимание Т.Б. Перфиловой привлекают также основные методы и приемы работы В.П. Бузескула с исторической литературой, которые она исследует в «подпараграфе» под названием «Способы позиционирования В.П. Бузескулом достижений историографии античности» (с. 214–253).

§ 1 «Технологии обучающей деятельности харьковского профессора» главы IV «Дидактическое мастерство В.П. Бузескула в изложении теоретических аспектов и эмпирических материалов истории афинской демократии» (с. 254–277) вызывает некоторое недоумение не только своим «модернистским» названием. Пройгнорировав воспоминания учеников и коллег, студентов В.П. Бузескула, учебные документы и программы Харьковского университета и другие архивные материалы, автор рассуждает о его дидактическом и лекторском мастерстве, о методической организации им учебного курса только по его печатным работам, и хотя Т.Б. Перфилова и называет упорно «Историю афинской демократии» учебником, она таковым, безусловно, не является. Это следует не только из содержания данной научной монографии, но и из предисловия к ней самого автора. В нем В.П. Бузескул, говоря об источниках своего сочинения (которое он, кстати, именует именно *книгой*, а не учебником), отмечает и свою первую монографию «Перикл», и свои исследования по «Афинской политике» Аристотеля, и (в том числе!) некоторые отделы своего лекционного курса по истории Греции. Аудиторию своей книги В.П. Бузескул определяет как «широкий круг» «интересующихся историей», «университетских слушателей, ищущих самообразования», поэтому объясняет, что ограничился краткими библиографическими указаниями и ссылками, не желая загромождать книгу⁶.

В § 2 «Теоретико-методологические погрешности “Истории афинской демократии” Т.Б. Перфилова вступает в полемику с В.П. Бузескулом. Очевидно, для того чтобы вести содержательный спор с ученым, недостаточно ловить его на подлинных или мнимых противоречиях; предполагается, что оппонент должен хотя бы сам изучить те же источники и современную научную литературу по дискутируемому вопросу и не прибегать к откровенному передергиванию оспариваемых тезисов. Т.Б. Перфилова берется спорить с В.П. Бузескулом по поводу его оценки тирании и допускает откровенно некорректные выпады в адрес последнего, например: «...погоня В.П. Бузескулом за шаткими доказательствами в пользу пропаганды демократического характера автократических режимов...» (с. 280). Едва ли такой «пропагандой» можно считать очень сдержанную характеристику «демократической составляющей» тирании, данную В.П. Бузескулом. Да, он писал, что тирания – «своего рода (курсив наш. – Т.К.) демократическая диктатура», что тираны приходили к власти с помощью демоса, что они уничтожали аристократию, благодаря чему «мог окрепнуть демократический элемент»⁷, но отмечал при этом «темные стороны» тирании – ее эгоистический характер, пренебрежение интересами демоса, опору на наемников и т.п.⁸ Оставим на совести Т.Б. Перфиловой и такое утверждение: «В.П. Бузескул сообщал также, что при диктаторском режиме (sic! – Т.К.) мог существовать перевес демократических начал в государстве» (с. 279), – непредубежденный читатель книги В.П. Бузескула ничего подобного в ней не найдет. Углядев противоречия в описании В.П. Бузескулом кризисных явлений в жизни афинского государства в IV в. до н.э., Т.Б. Перфилова сообщает читателю, что он «не желает увидеть явное перерождение демократии в олигархию» (с. 286); речь идет, поясним, об Афинах до македонского завоевания и фактического уничтожения демократии в конце IV в., на основании чего сама Перфилова пришла к выводу, который она выдает за истину, об олигархии в позднелатинских Афинах, совершенно непонятно, отнесем это на счет богатой фантазии автора монографии... Очевидно, этим же объясняются утверждения о некоем «кризисе демократии» в 30-х годах V в. до н.э. и о том, что народное собрание превратилось в высший орган государственной власти в Афинах после реформы Эфиалта (с. 288).

⁵ Не считая очередной констатации на с. 178 того, что В.П. Бузескул был «верным адептом теории эволюционизма».

⁶ Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб., 2003 (1-е изд. – 1909). С. 31–32.

⁷ Там же. С. 53, 55.

⁸ Там же. С. 55.

Задачу заключительной, V главы монографии Т.В. Перфилова формулирует следующим образом: «...постараемся взглянуть на основные подходы к изучению афинской демократии и демократизации общественно-политического устройства Атики в современной науке, с тем чтобы понять место исследований В.П. Бузескула в историографии античности» (с. 308). Хотя она и оговаривает, что не претендует «на исчерпывающую полноту историографического анализа», однако обещает проанализировать «некоторые работы отечественных и зарубежных историков», отличающиеся «новизной и оригинальностью» и представляющие «особый интерес для современного уровня развития науки». Наверное, любой историографический обзор субъективен, но подразумевается, что его составитель, по меньшей мере, стремится к репрезентативности и отражению в нем основных позиций и достижений научной литературы по обсуждаемой проблеме. К сожалению, выборка, представленная в обзоре Т.В. Перфиловой, носит случайный, поверхностный и хаотичный характер и даже отдаленно не приближается к решению задачи отразить «основные подходы к изучению афинской демократии» на современном этапе. Автор монографии демонстрирует свою некомпетентность – она не разбирается ни в проблематике афинской демократии, ни в соответствующей литературе. Зачем же тогда писать историографический обзор?! Оставляя в стороне содержательную часть рассуждений Т.В. Перфиловой в данном параграфе (многие ее утверждения могут быть оспорены), заметим: историографические пробелы автора монографии, взявшейся анализировать нынешнее состояние изученности афинской демократии, изумляют. Как можно было даже не упомянуть самого плодovitого и известного современного исследователя демократических Афин – Могенса Хермана Хансена! А Лидия Менделевна Глускина, Поль Клоше, Клод Моссе, Мозес Финли, У. Роберт Коннор, Курт Раафлауб, Мартин Оствальд, Джошуа Обер⁹ – и ведь это только «александрийские столпы», не говоря о других, – имя им легион, и их заслуги на ниве изучения афинской демократии в любом случае посерьезнее, чем у попавших в орбиту внимания автора А.А. Курбатова или В.С. Ленской (не в обиду коллегам будет сказано!). А такой перл: «...на наш взгляд, наиболее полно и ярко функционирование демократических институтов рассмотрено в работе Ф. Арского “Перикл” (с. 335)! Книга Арского вышла в серии «Жизнь замечательных людей», очень хороша для популяризации античности, но не является, строго говоря, научной работой, не имеет научного аппарата – ссылок на источники¹⁰ и литературу, она усыпана вымышленными монологами и диалогами героев.

В рецензируемой монографии содержится значительное количество мелких ошибок и опечаток. Приведем некоторые (отнюдь не все!) примеры. Т.В. Перфилова путает судебный процесс Мильтиада с остракизмом (В.П. Бузескул рассказывает именно о суде, а не об остракизме, что пытается приписать ему автор монографии – с. 204); похоже, это не случайная ошибка – автор действительно считает остракофорию судебным процессом (ср. с. 343). Известный английский историк Т. Маколей (именно так о нем отзывается В.П. Бузескул¹¹), автор «Истории Англии», стал у Т.В. Перфиловой «известным историком античности» Макалеем (с. 212). Б.В. Варнеке фигурирует в книге как Вернеке (с. 218). *Corpus Inscriptionum Graecarum* назван «*Corpus Inscript. Graecae*» (с. 221), Чарльз Хигнетт именуется «К. Хигнеттом» (с. 315–316, 320), а британский профессор Энтон Пауэлл – «К. Пауэллом»; К. Поппер характеризуется как «тактичный и осторожный в оценках ученых» (sic!) (с. 312, прим.); швейцарский ученый А. Боннар назван французским (с. 316); П. Родс фигурирует то как «Родс» (с. 324), то как «Роудз» (с. 326), то как «Роудс» (с. 335); Дженнифер Толберт Робертс «превратилась» в мужчину (с. 352, прим. 3).

Жаль также, что на страницах довольно солидной по объему книге о В.П. Бузескуле не нашлось места даже для упоминания, не говоря уж о краткой характеристике таких его работ, как «Открытие XIX и начала XX века в области истории древнего мира» (ч. I–II. Пг., 1923–1924), «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (ч. I–II. Л., 1929–1931). А ведь из этих книг можно почерпнуть материал для анализа собственных воззрений В.П. Бузескула на историю и методологию исторических исследований, т.е. тех сюжетов, которые Т.В. Перфилова злылась осветить в своей монографии. Для этого не нужно было бы значительно увеличивать объем книги – в ней, как мы уже отмечали, много повторов и пересказов, которыми можно было бы с легкостью пожертвовать. И уж совсем странным выглядит игнорирование работы В.П. Бузескула «Разработка древнегреческой истории в России» («Анналы». Т. IV. 1924. С. 139–153) в § 3 главы IV «Афинская демократия и учебный университетский дискурс рубежа XIX–XX веков» («дискурс» подразумевается российский).

⁹ К. Моссе и М. Финли были упомянуты в ряду других исследователей (естественно, «с чужих слов»), без анализа и даже упоминания их работ.

¹⁰ Мы имеем в виду «правильные» сноски – Ф. Арский периодически приводит цитаты или пересказ античных авторов, замечая (без всяких уточнений): «Геродот рассказывает», «Фукидид говорит» и т.п.

¹¹ Бузескул В.П. Введение в историю. Обзор источников и опыт разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб., 2005. С. 159.

Судя по публикациям Т.Б. Перфиловой, специалиста по римской Британии и образованию в Римской империи, ее научные интересы далеки от афинской демократии и «лично» В.П. Бузескула. Конечно, историк волен и даже должен (для поддержания хорошего «научного тона») брать за новые сюжеты и проблемы для своих исследований, но само собой разумеющееся *condicio sine qua* поп при этом – их добросовестное и основательное изучение. Увы, в случае с рецензируемой монографией Т.Б. Перфиловой данное «необходимое условие» соблюдено не было.

По информации с сайта исторического факультета ЯГПУ Т.Б. Перфилова является победителем конкурса грантов Министерства образования РФ за фундаментальные исследования в области гуманитарных наук (номинация «История образования»), а на титульном листе рецензируемой монографии значится, что данная работа выполнена в рамках научных исследований по тематическому плану Рособразования РФ «Теоретико-методологические основы высшего профессионального исторического образования». Очевидно, в рамках грантов были написаны и предыдущая монография Т.Б. Перфиловой «Образ античной истории в “умственных разрезах” Р.Ю. Виппера» (Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2006. 345 с.) и рецензируемая нами книга «Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени. Интерпретация В.П. Бузескула». Видимо, этим же обстоятельством объясняется стремление во что бы то ни стало выявить «дидактическое мастерство В.П. Бузескула в изложении теоретических аспектов и эмпирических материалов истории афинской демократии». (Результаты этого «дидактического анализа», как мы уже отмечали, невнятны и неубедительны.) Хочется все же надеяться, что «грантомания», погоня за грантами любой ценой не похоронят окончательно традицию, требующую блюсти критерии научности и соблюдать некие квалификационные требования при написании монографии. И мы по-прежнему будем вправе ожидать от автора монографий (и эти ожидания не будут восприниматься как анахронизм или придирка) историографической эрудиции, серьезного знания источников, умения анализировать, строгости в рассуждениях, обоснованности выводов, четкости и ясности стиля – всего того, что отличало «старую» российскую школу антиковедения в лице ее лучших представителей, таких, как В.П. Бузескул.

Т.В. Кудрявцева

© 2010 г.

Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / Ed. by J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (Mnemosyne, Supplementum 272). Leiden–Boston: Brill, 2006. XI, 476 p.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что Солон – одна из самых крупных фигур афинской (да и античной в целом) истории. Деятельность этого знаменитого законодателя довольно подробно освещена в источниках и многократно рассматривалась в исследовательской литературе. Впрочем, нам уже приходилось обращать внимание¹ на то, что в 1970-е – 1980-е годы мировое «солоноведение» в известной мере зашло в тупик. Меньше стало работ о Солоне; количество монографий вообще практически иссякло. Конечно, филологи по-прежнему исправно продолжали публиковать статьи с толкованиями тех или иных конкретных пассажей из солоновского поэтического наследия². Однако в по-настоящему концептуальных, проблемных исследованиях деятельности Солона, выполненных в историческом ключе, начал ощущаться явный дефицит.

Это вовсе не означало, что «солоновская» тема была исчерпана и закрыта, что для связанных с нею вопросов нашлись убедительные и непротиворечивые решения. Скорее наоборот: наступило признание недостаточной плодотворности предыдущей работы в этом направлении, хотя она и была достаточно интенсивной. Методологические корни сложившейся ситуации мы видим в следующем.

¹ Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 58 сл.; *он же*. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 100 сл.

² Так, об одной только солоновской элегии «К музам» (другое название – «К самому себе») к началу 1980-х годов уже имелось несколько десятков работ (их обзор со ссылками см. *Maurach G. Über den Stand der Forschung zu Solos «Musenelegie» // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1983. 235. 1/2. S. 16–33*). К настоящему времени их число, наверное, удвоилось. Нам довелось ознакомиться с большинством этих работ, и мы не сказали бы, что это вывело наше понимание деятельности Солона на какой-то принципиально новый уровень.